

БИБЛИОГРАФІЯ

Иван Бунин. — Освобождение Толстого. — YMCA-Press. — Париж, 1937.

Основная тема книги Бунина — истолкование того последнего этапа жизненного пути Толстого, который принято называть его «уходом». Бунин его называет «освобождением». Освобождением от — чего? От яснополянской обстановки, от семейных неладов? От всего того, что составляет главный предмет интереса «психологизирующих» или морализирующих биографов? Нѣтъ, от «Смерти» — и Бунин приводит слова Толстого: «Мало того, что пространство и время и причина суть формы мышления и что сущность жизни внѣ этих форм, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее подчинение себя этим формам и потом освобождение от них...» — и прибавляет: «в этих словах, еще никѣм не отмѣченных, главное указание к пониманию его всего». С этой точки зрѣнія «старец Лев из Ясной Поляны» сопричислен у Бунина к лику благородных юношей, покинувших родину ради чужбины», каковы «Царевич Готама, Алексѣй Божій Человѣкъ, Юліан Милостивый, Франциск Ассизскій». Благодаря такому подходу, Бунин дал не биографію Толстого, а **легенду** его — в подлинном смыслѣ слова: легенда — то, что во всѣ вѣка надо читать о том, кто оставил по себѣ поистинѣ **вѣчную** память. Легенда соотвѣтствует тому, чѣм у древних был **миф** — сказаніе о **человѣкѣ**, созданном силою поэтического творчества, как о воплощеніи известной **вѣчной** идеи. Конкретный, когда — то существовавший на землѣ **человѣкъ** обращается, в легендѣ, в **мифическій** образ — не в том, конечно, смыслѣ, что ему приписываются свойства, которых он был лишен, и поступки, которых он не совершал, а в том, что образ этот освобожден от всего случайнаго, принадлежащаго «исторіи», и что тѣм ярче выступают его внѣвременныя, «существенныя» черты, его чистая **идея**, **форма**. Именно **форма**, а не **формула**.

Бунин пересматривает всѣ известнѣйшіе опыты дать «формулу» Толстого и вскрывает их несостоятельность, фальшь, нежизненность, односторонность; сам же от такого опыта сознательно воздерживается, слѣдуя в этом Толстому, который, как известно, никогда не давал от себя «характеристик» своих персонажей.

Но в чем состоит это тождество личности в ея многообразіи? Как понять это? Здѣсь коренное различіе между «каждым **человѣком**» и **человѣком** калибра Толстого. Общее у того и другого в том, что оба —

переменныя величины. Живое существо не статично, а динамично; жизнь, развитие — борьба за преобладание какой — либо одной тенденции. Каждый **человѣкъ** с годами все болѣе и болѣе суживается и в этом смыслѣ «самопредѣляется».

Чѣм **человѣкъ** ближе к концу, тѣм становится духовно богаче, всечеловѣчнѣе, и тѣм сильнѣе его влечение слиться со Всеединным, освободиться от своей ограниченности. Почему все-таки столь разнообразны, столь несхожи между собою **образы** святых? Достижение **совершенства** — есть-ли это окончательное преодоленіе принципа индивидуации, побѣда над **Я**? Бунин вспоминает послѣднія слова Толстого: «Все Я... все проявленія... довольно проявленій... вот и все...» — и ставит вопрос: что было — бы, если — бы оптинскій старец, о. Варсонофій, явившійся к Толстому в Астапово, был допущен к нему: «Можно предположить: примирение умирающаго с Церковью. Но развѣ это уничтожило бы смысл его бредовых слов?.. Смысл их слишком велик, уничтожить его не могла жизнь».

Сказал — же сам Толстой незадолго до смерти (В. Ф. Булгакову, цит. у Бунина, 21), что он «разлюбил Евангеліе». И вмѣстѣ с тѣм, как раз тогда он стучался во врата Оптинской обители. Ясно, что здѣсь — какая-то загадка Толстого. Вернемся к сопоставленію, сдѣланному Буниным: **старец** Лев и благородные **юноши**, Будда, св. Франциск и др. Показательно уже то, что к «освобожденію» первый пришел лишь старцем, а послѣдніе два — юношами. Один итальянскій писатель уже сдѣлал сопоставленіе Толстого со св. Франциском.

Жестокая критика, которой Бунин подверг его толкованіе, конечно, заслужена автором. Сродство Толстого со св. Франциском у Бунина показано с полной убѣдительностью. Но вмѣстѣ с тѣм и его сродство с Буддой. А между тѣм, — как далеки друг от друга Будда и св. Франциск. Путь Будды был дѣйствительно путем освобожденія от «проявленій», — и это далось ему без труда, ибо «проявленія» не только сознавались, но и переживались им всего лишь как «призраки», «обманы зрѣнія». Будда и мог прижизненно умереть, отвлечься от «эмпирии». Что до св. Франциска, то вѣдь он с «проявленіями» никогда и не боролся, потому что Бог для него **жил** в этих «проявленіях», в сестрах птичках, братѣ — Солнцѣ и даже братѣ — волкѣ, — так же, как и в сестрѣ — Смерти. Путь Толстого совмѣстил в себѣ и Будду и св. Франциска. **Как** возможно подобное совмѣщеніе — попытаться разгадывать это, значило бы впасть в грѣх произвольнаго и бесплоднаго психологизированія.

Если вчитаться в проникновеннѣйшую и правдивѣйшую книгу Бунина, станет очевидно, что к «освобожденію» Толстой влекся всю свою долгую жизнь, что вся она была сплошной цѣпью «уходов» и что каждый раз он останавливался на перепутьѣ: один из путей это был путь Будды, другой — св. Франциска. Бунин называет раз еще одно имя — Шопенгауэра. Но нигдѣ у него нѣтъ упоминанія о Руссо. Вліяніе Шопенгауэра на Толстого было весьма значительно. Тѣ слова Толстого, которыя для Бунина представляются ключом к пониманію «всего Толсто-

го», навѣяны Шопенгауэром. Но вліяніе Руссо было не меньшим. Руссо был его первой любовью и, отрекаясь от столь многих увлеченій и привязанностей, от Руссо он не отрекался никогда.

Чѣм - же был для Толстого Руссо. Только - ли апостолом «опрошенія», отказа от «культуры»? Так принято считать. Руссо вѣдь раздѣлил судьбу Толстого: никого, кажется, так не «упрощали» и не опошляли, как их обоих. Истинный, умопостигаемый, «идеальный» Руссо, — воплощеніе не отрицанія, а утвержденія личнаго начала. Конфликт Шопенгауэра и Руссо по существу — то же самое, что конфликт Будды и св. Франциска.

По человѣческому разумѣнію, или — или. Или «мір как воля и представленіе», или — «Исповѣданіе вѣры Савойскаго викарія». Или «Нирвана», раствореніе Я во Всеедином, т. е. отрицаніе личнаго безсмертія, или — августино - дантовскій град Божій, единеніе чистых Душ в их любви к личному Богу. Разумное примиреніе одного с другим исключается. Разум требует выбора. А в то же время человѣческое сознаніе в теченіе вѣков мучительно и настойчиво домогается какого-то синтеза — «Разума» и «сердца», или пользуясь древними терминами, сейчас восстановленными, хотя в нѣсколько ином значеніи, — освобожденія «духа и души». Толстой этого духовнаго опыта не пережил. Но если взглянуть на все его творчество в свѣтѣ удивительной бунинской легенды, станет ясно, что именно к этому опыту он шел.

П. Бицилли.

Charles Plisnier. — Faux Passeports.—Editions Correa.—Paris. P. 339.

Автор «Фальшивых Паспортов» — бельгеец Плинье — был кандидатом еще в прошлом году на полученіе преміи Гонкуров, за роман «Браки». Отчасти в порядкѣ компенсаціи за прошлое, почетнѣйшее во Франці литературное отличіе было присуждено Плинье в этом году за «Фальшивые Паспорта», — произведеніе болѣе слабое, по единодушному отзыву критики, чѣм «Браки».

«Фальшивые Паспорта» принадлежат к тому жанру литературы, который может быть назван **романсированным репортажем**: в этом жанрѣ пишут свои «романы» и небезызвѣстные братья Таро. Плинье описывает реально бывшее и пережитое, но вносит в описаніе вымысел, — не всегда руководясь при этом одними литературными требованиями. «Тот, кто в этой книгѣ говорит «я», хотѣл бы сохранить нѣкоторую таинственность», — предупреждает автор в подписанном им предисловіи. «Роль романиста не может состоять в том, чтобы давать пищу общественному любопытству, и еще того меньше, — чтобы указывать полиціи или партійным комитетам живых людей, выведенных в качествѣ дѣйствующих лиц произведенія», — прибавляет он нѣсколько неожиданно.

«Фальшивые Паспорта» — собраніе новелл, посвященных «воспоминаніям агитатора», члена коммунистической партіи из лѣвой оппозиціи. Дѣйствующія в отдѣльных новеллах лица — подвижники и святые, иконизированные: испанская аристократка Пилар, сблизившаяся с террористом Морером и возвращающаяся к «своим», когда Испанія стано-

вится республикой и казнят ея возлюбленного; гибнущая на вистлицѣ болгарская заговорщица Дитка; итальянская коммунистка Карлотта; наконец, центральная фигура крупнѣйшаго очерка — твердокаменный большевик, безжалостный и «святой» — Егор.

Чертами своего характера и эпизодами жизни, рассказанными автором, Егор Вижняцин является как бы псевдонимом Георгія Пятакова. Усмотрѣнем автора, однако, Егор оказывается участником августовскаго процесса 17 — Зиновьева - Каменева, тогда как Пятаков, как извѣстно, был судим вмѣстѣ с Радеком, Сокольниковым и др. в январѣ. Это один из многих примѣров того, как в произведеніи, в котором художественность приближается иногда к фотографичности, — репортаж превращается в «роман».

Тѣм не менѣе, если брать «Фальшивые Паспорта», как произведеніе литературы, — книгу надо признать внутренне правдивой. Она не отягчена морально - дидактическими разсужденіями и дает живое изображение революціоннаго и, в частности, большевистскаго комплекса. Здѣсь нѣтъ «сатанинскаго» изображенія зла, а есть изображеніе конфликта между добром и злом, который даже у героическаго большевика разрѣшается в побѣдѣ безпощадной жестокости над человѣчностью.

Революція, как она представляется даже тонко чувствующему интеллигенту, обожающему Моцарта, — и в этом трагедія и революціи, и революціонера! — «не позволяет быть справедливым». «Жертва жизнью ради интересов партіи» — вещь, распрощанная не только среди коммунистов. Коммунистическая «мораль» требует другога: — «Осгаться жить, пожертвовав своею мыслью, — вот гдѣ начинается преданность партіи». «Существуют большія цѣнности, чѣм истина», — партія, Интернаціонал! Ибо для коммуниста не существует истины и справедливости самих по себѣ; существует лишь классовая истина и справедливость, и коммунизм к тому и призван, чтобы создать условія торжества всеобщей справедливости, — утверждает правотѣрный коммунист.

Коммунист чужд вѣры в личное безсмертіе, но в существованіе опредѣленной миссіи у партіи — он вѣрит, и ради престижа и поддержанія партійной дисциплины, коммунист не остановится перед уничтоженіем и разстрѣлом даже ближайшаго друга или брата. Так поступал Егор Вижняцин, бывший и под Свѣяжском, и в бою с Антоновым под Тамбовом. Так же поступили и с самим Егором — в новеллѣ Плинье, и с осужденными по процессу «17», «16», «21» и др. — в реальной дѣятельности.

Не будем искать биографической или автобиографической правды в «Фальшивых Паспортах». Удовольствуемся тѣм, что автор говорит: «Чѣм больше я восхищаюсь этим героизмом, тѣм глубже ощущаю его ужас»...

М. Видняк.

Thomas Mann. — Avertissement à l'Europe. — Préface d'André Gide. — NRF.

Выдающийся писатель, увѣнчанный литературной преміей Нобеля, Томас Манн нисколько не был склонен заниматься активной политикой. Он признается, что и не представлял себѣ, чтобы на старости лѣтъ ему, художнику по призванію и ремеслу, пришлось очутиться в гущѣ политических событій и даже среди политических эмигрантов.